

В нем [в русском языке] все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких, он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно.

Гоголь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Старое и новое

Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценнее самой вещи.

Гоголь

I

Анатолий Федорович Кони, почетный академик, знаменитый юрист, был, как известно, человеком большой доброты. Он охотно прощал окружающим всякие ошибки и слабости.

Но горе было тому, кто, беседуя с ним, искажал или уродовал русский язык. Кони набрасывался на него со страстной ненавистью.

Его страсть восхищала меня. И все же в своей борьбе за чистоту языка он часто хватал через край.

Он, например, требовал, чтобы слово *обязательно* значило только *любезно, услужливо*.

Но это значение слова уже умерло. Теперь в живой речи и в литературе слово *обязательно* стало означать *непрерывно*. Это-то и возмущало академика Кони.

— Представьте себе, — говорил он, хватаясь за сердце, — иду я сегодня по Спасской и слышу: «Он *обязательно* набьет тебе морду!» Как вам это нравит-

ся? Человек сообщает другому, что кто-то любезно поколотит его!

— Но ведь слово *обязательно* уже не значит *любезно*, — пробовал я возразить, но Анатолий Федорович стоял на своем.

Между тем нынче во всем Советском Союзе не найдешь человека, для которого *обязательно* значило бы *любезно*. Нынче не всякий поймет, что разумел Аксаков, говоря об одном провинциальном враче:

«В отношении к нам он поступал *обязательно*».

Зато уже никому не кажется странным такое, например, двестише Исаковского:

И куда тебе желается,
Обязательно дойдешь.

Многое объясняется тем, что Кони в ту пору был стар. Он поступал, как и большинство стариков: отстаивал те нормы русской речи, какие существовали во времена его детства и юности. Старики почти всегда воображали (и воображают сейчас), будто их дети и внуки (особенно внуки) уродуют правильную русскую речь.

Я легко могу представить себе того седоволосого старца, который в 1803 или в 1805 году гневно застучал кулаком по столу, когда его внуки стали толковать между собой о развитии ума и характера.

— Откуда вы взяли это несносное *развитие ума*? Нужно говорить *прозябение*.

Стоило, например, молодому человеку сказать в разговоре, что сейчас ему надо пойти, ну, хотя бы к сапожнику, и старики сердито кричали ему:

— Не *надо*, а *надобно*! Зачем ты коверкаешь русский язык?¹

А когда Карамзин в «Письмах русского путешественника» выразился, что при таких-то условиях мы становимся человечнее, адмирал Шишков набросился на него с издевательствами.

«Свойственно ли нам, — писал он, — из имени человек делать уравнительную степень *человечнее*? Поэтому могу [ли] я говорить: моя лошадь *лошадинее* твоей, моя корова *коровее* твоей?»

Но никакими насмешками нельзя было изгнать из нашей речи такие драгоценные слова, как *человечнее*, *человечность* (в смысле гуманнее, гуманность).

Наступила новая эпоха. Прежние юноши стали отцами и дедами. И пришла их очередь возмущаться такими словами, которые ввела в обиход молодежь:

даровитый,
отчетливый,
голосование,
общественность,
*хлыщ*².

¹ В *Словаре Академии Российской* (СПб., 1806–1822) есть только *надобно*.

² Ни в *Словаре Академии Российской*, ни в *Словаре языка Пушкина* (М., 1956–1959) слова *даровитый* нет. Оно появляется лишь в *Словаре церковнославянского и русского языка*, составленном вторым отделением Императорской академии наук (СПб., 1847). Слова *отчетливый* нет в *Словаре Академии Российской*. Слова *голосование* нет ни в одном словаре до Даля (1880). Слово *хлыщ* создано Иваном Панаевым (наравне со словом *приживалка*) в середине девятнадцатого века. См. также *Труды Я. К. Грота*. Т. II, с. 14, 69, 83.

Теперь нам кажется, что эти слова существуют на Руси спокон веку и что без них мы никогда не могли обойтись, а между тем в 30–40-х годах минувшего столетия то были слова-новички, с которыми тогдашние ревнители чистоты языка долго не могли примириться.

Теперь даже трудно поверить, какие слова показались в ту пору, например князю Вяземскому, низкопробными, уличными. Слова эти: *бездарность* и *талантливый*.

«Бездарность, талантливый, — возмущался князь Вяземский, — новые площадные выражения в нашем литературном языке. Дмитриев правду говорил, что „наши новые писатели учатся языку у лабазников“». Если тогдашней молодежи случалось употребить в разговоре такие неведомые былым поколениям слова, как:

факт,
результат,
ерунда,
*солидарность*¹,

представители этих былых поколений заявляли, что русская речь терпит немалый урон от такого наплыва вульгарнейших слов.

«Откуда взялся этот факт? — возмущался, например, Фаддей Булгарин в 1847 году. — Что это за слово? Исковерканное»².

¹ Ни слова *факт*, ни слова *результат*, ни слова *солидарность* нет в *Словаре Академии Российской*.

² «Северная пчела», 1847, № 93 от 26 апреля. «Журнальная всякая всячина». Хотя слово *факт* уже встречалось в произведениях Пушкина.

Яков Грот уже в конце 60-х годов объявил безобразным новоявленное слово *вдохновлять*.

* * *

Даже такое слово, как *научный*, и то должно было преодолеть большое сопротивление старозаветных пуристов¹, прежде чем войти в нашу речь в качестве полноправного слова. Вспомним, как поразило это слово Гоголя в 1851 году. До той поры он и не слышал о нем. Старики требовали, чтобы вместо *научный* говорили только *ученый*: *ученая* книга, *ученый* трактат. Слово *научный* казалось им недопустимой вульгарностью.

Впрочем, было время, когда даже слово *вульгарный* они готовы были считать незаконным. Пушкин, не предвидя, что оно обрусееет, сохранил в «Онегине» его чужеземную форму. Вспомним знаменитые стихи о Татьяне:

Никто б не мог ее прекрасной
Назвать: но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar. (Не могу...

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме...)

(VIII глава)

¹ *Пуристами* называются люди, стремящиеся оградить, «очистить» родной язык от всяких новшеств, не допускать в него никаких изменений. Идеал пуристов — языковые нормы минувшего времени, которые они считают единственно правильными.

Переводить это слово на русский язык не пришлось, потому что оно само стало русским.

Конечно, старики были не правы. Теперь и слово *надо*, и слово *ерунда*, и слово *факт*, и слово *голосование*, и слово *научный*, и слово *творчество*, и слово *обязательно* (в смысле *непрерывно*) ощущаются всеми, и молодыми и старыми, как законнейшие, коренные слова русской речи, и кто же может обойтись без этих слов!

Теперь уже всякому кажется странным, что Некрасов, написав в одной из своих повестей *ерунда*, должен был пояснить в примечании: «Лакейское слово, равнозначительное слову — дрянь», а «Литературная газета» тех лет, заговорив о чьей-то *виртуозной* душе, сочла себя вынужденной тут же прибавить, что *виртуозный* — «новомодное словцо»¹.

По свидетельству академика В. В. Виноградова, лишь к половине девятнадцатого века у нас получили права гражданства такие слова: *агитировать*, *максимальный*, *общедоступный*, *непререкаемый*, *мероприятие*, *индивидуальный*, *отождествлять* и т. д.

Можно не сомневаться, что и они в свое время коробили старых людей, родившихся в восемнадцатом веке.

В детстве я еще застал стариков (правда, довольно дряхлых), которые говорили: *на бале*, *Александринский театр*, *генварь*, *румяны*, *белилы*, *мебели* (во множественном числе) — и гневались на тех, кто говорит иначе.

¹ «Литературная газета», 1841, с. 94: «В игре и в приемах видна душа *виртуозная*, чтобы щегольнуть новомодным словцом».

Вообще старики в этом отношении чрезвычайно придирчивый и нетерпимый народ. Даже Пушкина по поводу одной строки в «Онегине» некий старик донимал в печати вот такими упреками:

«Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старинным грамматикам? Можно ли так коверкать русский язык?»

II

Но вот миновали годы, и я, в свою очередь, стал стариком. Теперь по моему возрасту и мне полагается ненавидеть слова, которые введены в нашу речь молодежью, и вопить о порче языка.

Тем более что на меня, как на всякого моего современника, сразу в два-три года нахлынуло больше новых понятий и слов, чем на моих дедов и прадедов за последние два с половиной столетия.

Среди них было немало чудесных, а были и такие, которые казались мне на первых порах незаконными, вредными, портящими русскую речь, подлежащими искоренению и забвению.

* * *

Помню, как страшно я был возмущен, когда молодые люди, словно сговорившись друг с другом, стали вместо *до свиданья* говорить почему-то *пока*.

Или эта форма: *я пошел* вместо *я уйду*. Человек еще сидит за столом, он только собирается уйти, но изображает свой будущий поступок уже совершённым.

С этим я долго не мог примириться.

* * *

В то же самое время молодежью стал по-новому ощущаться глагол *переживать*. Мы говорили: «я переживаю горе» или «я переживаю радость», а теперь говорят: «я так переживаю» (без дополнения), и это слово означает теперь: «я волнуюсь», а еще чаще: «я страдаю», «я мучаюсь».

У Василия Ажаева в «Предисловии к жизни» в авторской речи:

«И напрасно Борис переживал».

Такой формы не знали ни Толстой, ни Тургенев, ни Чехов. Для них *переживать* всегда было переходным глаголом. А теперь я слышал своими ушами следующий смешной пересказ одного модного фильма о какой-то старинной эпохе:

— Я так переживаю! — сказала графиня.

— Брось переживать! — сказал маркиз.

* * *

По-новому осмыслился глагол *воображать*. Прежде он означал фантазировать. Теперь он чаще всего означает: чваниться, важничать.

«Он так *воображает*», — говорят теперь о человеке, который зазнался.

Правда, и прежде было: воображать о себе («много о себе воображает»). Но теперь уже не требуется никаких дополнительных слов.

* * *

Очень коробило меня нескромное, заносчивое выражение *я кушаю*. В мое время то была учти-

вая форма, с которой человек обращался не к себе, а к другим:

— Пожалуйста кушать!

Если же он говорил о себе: «я кушаю» — это ощущалось как забавное важничанье.

* * *

Вот уже лет тридцать в просторечии утвердилось словечко *обратно* — с безумным значением *опять*.

Помню, когда я впервые услышал из уст молодой домработницы, что вчера вечером пес Бармалей «обратно лаял на Марину и Тату», я подумал, будто Марина и Тата первые залаяли на пса. Но мало-помалу я привык к этой форме и уже ничуть не удивился, когда услышал, как одна distinguished женщина сообщает другой:

— А Маша-то обратно родила.

* * *

Вдруг неожиданно-негаданно не только в устную, разговорную, но и в письменную, книжную речь вторглось новое словосочетание *в адрес* и в очень короткое время вытеснило прежнюю форму *по адресу*. Мне с непривычки было странно слышать: «она сказала какую-то колкость в мой адрес», «раздались рукоплескания в его адрес».

С изумлением я услышал на днях, как некая студентка (из очень культурной семьи) сказала между прочим в разговоре:

— Нюра так смеялась в адрес Кольки.

И как удивился бы Чехов, если бы прочел в одной статье, посвященной постановке его пьесы «Дядя Ваня»:

«Актриса Подовалова, по-видимому, оттолкнулась от слов Астрова, сказанных Соней в его адрес».

* * *

С такой же внезапностью вошло в нашу жизнь слово *волнительно*. Я слышал своими ушами, как расторопная красавица в ложе театра игриво говорила двум немолодым офицерам, которые, очевидно, только что познакомились с нею:

— Вот вы волнительный, а вы, извините, совсем неволнительный.

С непривычки это слово удивило меня. Тот, кого она назвала *неволнительным*, очень огорчился и даже обиделся.

Говорят, это слово идет из актерской среды. Самые большие мастера нашей сцены, Станиславский, Вахтангов, Качалов, охотно применяли его, — правда, не к людям, но к пьесам и книгам.

«Не расстаюсь с томиком Ахматовой, — писал Качалов в 1940 году. — Много волнительного».

И в 1943 году:

«Волнительное впечатление осталось у меня от булгаковского „Пушкина“».

В романе К. Федина «Необыкновенное лето» писатель Пастухов говорит:

«Волнительно! Я ненавижу это слово! Актерское слово! Выдуманное, несуществующее, противное языку».

* * *

Вскоре после войны появилось еще одно новое слово — *киоскер*, столь чуждое русской фонетике, что я счел его вначале экзотическим именем какого-нибудь воинственного вождя африканцев: Кио-Скер.

Оказалось, это мирный «работник прилавка», торгующий в газетном или хлебном ларьке.

Слово *киоск* существовало и прежде, но до *киоскера* в ту пору еще никто не додумывался.

✧ ✧ ✧

Такое же недоумение вызывала во мне новоявленная форма: *выборá* (вместо *вы́боры*), *договорá* (вместо *догово́ры*), *лекторá* (вместо *ле́кторы*).

В ней слышалось мне что-то залихватское, бесшабашное, забубенное, ухарское.

Напрасно я утешал себя тем, что эту форму уже давно узаконил русский литературный язык.

— Ведь, — говорил я себе, — еще Ломоносов двести лет тому назад утверждал, что русские люди предпочитают окончание «а» «скучной букве» «и» в окончаниях слов:

облака, острова, леса вместо *облаки, острова, лесы*.

Кроме того, прошло лет сто, а пожалуй, и больше, с тех пор, как русские люди перестали говорить и писать: *домы, докторы, учителя, профессоры, слесари, юнкеры, пекари, писари, флигели* — и охотно заменили их формами: *домá, учителя́, профессорá, слесаря́, флигеля́, юнкера́, пекаря́* и т. д.¹

¹ В «Женитьбе» Гоголя (1836–1842) есть и *дама* (действие I, явление XIII) и *домы* (II, IV).

Мало того: следующее поколение придало ту же заливчатскую форму новым десяткам слов, таким как: *бухгалтеры, томы, катеры, тополи, лагеря, дизели*. Стали говорить и писать: *бухгалтерá, томá, катерá, тополя, лагеря, дизеля* и т. д.

Если бы Чехов, например, услышал слово *томá*, он подумал бы, что речь идет о французском композиторе Амбруазе Тома.

Казалось бы, довольно. Но нет. Пришло новое поколение, и я услышал от него:

шоферá, авторá, библиотекаря, секторá, прибыля, отпусká.

И еще через несколько лет:

выходá, супá, матеря, дочеря, секретаря, плоско-стя, скоростя, ведомостя, возрастá, площадьá¹.

Всякий раз я приходил к убеждению, что протестовать против этих для меня уродливых слов бесполезно. Я мог сколько угодно возмущаться, выходить из себя, но нельзя же было не видеть, что здесь на протяжении столетия происходит какой-то безостановочный стихийный процесс замены безударного окончания *ы (и)* сильно акцентированным окончанием *а (я)*.

¹ По словам Тургенева, форма *площадьá* с давних времен существовала в диалекте крестьян Орловской губернии: так назывались у них «большие сплошные массы кустов» (*И. С. Тургенев. Собр. соч. Т. I. М., 1961, с. 9*). Есть основание думать, что нынешнее слово *площадьá* возникло независимо от этого орловского термина. Лев Толстой (в 1874 году) утверждал, что в «живой речи употребляется форма *воза*, а не *возы*» (*Собр. соч., 1965. Т. XVII, с. 82*). У Ивана Панаева в рассказе «Хлыщ высшей школы» (1858) читаем: «Первые *месяца* своего замужества» (см. *И. И. Панаев. Избранные произведения. М., 1962, с. 492*).

И кто же поручится, что наши правнуки не станут говорить и писать:

кранá, актерá, медведя́, желудя́.

Наблюдая за пышным расцветом этой ухарской формы, я не раз утешал себя тем, что эта форма завладевает главным образом такими словами, которые в данном профессиональном (иногда очень узком) кругу упоминаются чаще всего: форма *торта́* существует только в кондитерских, *супá* — в ресторанных кухнях, *площады́* — в домовых управлениях, *тракторá* и *скоростя́* — у трактористов.

Пожарные говорят: *факелá*. Электрики — *кабеля́* и *штепселя́*.

Певчие в «Спевке» Слепцова: *концертá, тенора́* (1863)¹.

Не станем сейчас заниматься вопросом, желателен ли этот процесс или нет, об этом разговор впереди, а пока нам важно отметить один многозначительный факт: все усилия бесчисленных ревнителей чистоты языка остановить этот бурный процесс или хотя бы ослабить его до сих пор остаются бесплодными.

¹ Д. Н. Шмелев находит, что я «не совсем прав». Он напоминает, что такие формы, как *ветра́, волосá, офицерá*, существуют с давнего времени и что у М. Горького в рассказе купца были *актерá* (см. интересную статью этого автора «Некоторые вопросы нормализации современного русского языка» в «Известиях Академии наук СССР» Отделения литературы и языка. Т. XXI. Вып. 5. М., 1962, с. 429). Но ведь я никогда не говорил, что превращение безударного *ы* в акцентированное *а* есть новшество. Я только отмечал, что темпы этого процесса необычайно ускорились и количество подверженных ему слов умножается с небывалой силой.

Если бы мне даже и вздумалось сейчас написать «*то́мы* Шекспира», я могу быть заранее уверенным, что в моей книге напечатают: «*томá* Шекспира», так как *то́мы* до того устарели, что современный читатель почуял бы в них стилизаторство, жеманность, манерничество.

* * *

По-новому зазвучало слово *вроде*. Оно стало значить «словно», «будто», «кажется».

Они были *вроде* свои.

Дела твои *вроде* неплохие.

Вроде ты невзлюбил его.

Все *вроде* получилось невзначай¹.

Интересно, что в английской разговорной речи появилась в последнее время такая же форма: «*she sort of began*» (похоже, что она начала), «*I sort of can't believe it*» (я все еще вроде сомневаюсь).

* * *

И новое значение словечка *зачитал*.

Прежде *зачитал* означало: замошенничал книжку, взял почитать и не отдал. И еще — ужасно надоел своим чтением: «он *зачитал* меня до смерти». А теперь: прочитал вслух на официальном собрании какой-нибудь официальный документ:

«Потом был *зачитан* проект резолюции».

¹ Василий Ажаев. Предисловие к жизни. М., 1962, с. 25, 35, 48, 61.

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Старое и новое	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. Мнимые болезни и подлинные	40
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «Иноплеменные слова»	71
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. «Умслопогасы»	118
ГЛАВА ПЯТАЯ. «Вульгаризмы»	146
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Канцелярит	170
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Школьная словесность	216
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. «Наперекор стихиям»	238
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. О складе и ладе	251
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. О пользе невнимания и забвения ...	274
Приложение	
О старом словаре и о новых словах	298
Новый русский язык	312